

Бунатиру Элиас Монсеф

Институт славянских языков и литератур, Бернский университет,
Швейцария, 3012, Берн, Ленггасштрассе, 49
elias.bounatirou@issl.unibe.ch

Непонятный язык Курбского: новые подходы к интерпретации «аномалий» в исторических текстах

Для цитирования: Бунатиру Э. М. Непонятный язык Курбского: новые подходы к интерпретации «аномалий» в исторических текстах. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (1): 37–55. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.103>

В 2018 г. автором данной работы была опубликована на немецком языке двухтомная монография под названием «Eine Syntax des „Novyj Margarit“ des A. M. Kurbskij. Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus» («Синтаксис “Нового Маргарита” А. М. Курбского. Филологическое и лингвистическое исследование корпуса церковнославянских переводов в свете *грамматики зависимостей*»). Настоящая статья представляет вниманию исследователей некоторые результаты этой работы на русском языке и вместе с тем расширить и дополнить анализ, начатый в монографии. В предлагаемой статье автор концентрируется на примечательном употреблении отглагольных образований с суффиксами **-m-* и **-n-* со значением пассивного долженствования типа *до просвещаемы(х)/ad illuminandos* ‘тем, которые должны быть просвещены’. В статье показывается, что данный феномен, наблюдаемый в церковнославянских текстах князя А. М. Курбского (1528–1583), не представляет языковую ошибку, как считалось до сих пор. Наоборот, на узус употребления примечательных форм указывает следующее: оба образования повторяются в пассивном долженствовательном значении в одном и том же тексте, к тому же примеры обсуждаемого феномена встречаются в разных произведениях, причем у разных авторов. Таким образом, подобное их использование в произведениях Курбского следует считать корректным. Кроме того, более систематический анализ позволяет показать, что немало других лингвистических «аномалий» в произведениях Курбского на самом деле не представляют собой аномалии или по крайней мере не являются лингвистическими ошибками Курбского.

Ключевые слова: Курбский, отглагольные образования, церковнославянский язык, кажущиеся ошибки, языковой узус.

Введение

В 2018 г. вышла принадлежащая перу автора этой статьи двухтомная монография на немецком языке под названием «Eine Syntax des „Novyj Margarit“ des A. M. Kurbskij. Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus» («Синтаксис “Нового Маргарита” А. М. Курбского. Филологическое и лингвистическое исследование корпуса церковнославянских

переводов в свете *грамматики зависимостей*» [Bounatirou 2018a]¹). Объектом исследования данной работы является рукописный сборник «Новый Маргарит» (далее — НМ), который содержит преимущественно гомилии и другие переводные религиозные тексты на церковнославянском языке восточнославянского извода. Большой частью в сборник входят сочинения, с разной степенью достоверности приписываемые Иоанну Златоусту.

Результаты исследования позволили подтвердить гипотезу о том, что подавляющее большинство переводов НМ были сделаны с латинских источников и, вероятнее всего, под руководством книжника XVI в. князя Андрея Михайловича Курбского (1528–1583). При переводе использовалось преимущественно латинское шеститомное издание сочинений Иоанна Златоуста, вышедшее в Базеле в 1558 г. [Базель 1558] (ср. нашу аргументацию, которая значительно дополняет существующие соображения по этому поводу [Bounatirou 2018a, т. 1: 157–217]). Можно предполагать, что сборник НМ был составлен Курбским и его помощниками после бегства князя из Московии в Юго-Западную Русь.

Цель настоящей статьи — познакомить русскоязычных исследователей с отдельными результатами анализа, приведенного в монографии, а также дополнить и развить некоторые его моменты. Здесь мы сосредоточиваемся на одном из главных тезисов исследования [Bounatirou 2018a], а именно: для лучшего понимания лингвистической природы т. н. «аномальных» языковых явлений в исторических текстах целесообразно искать к ним параллели в более широком языковом контексте. В данной статье в центре нашего внимания находятся отглагольные образования на *-т- и *-н- со значением пассивного долженствования.

Мы анализируем текст НМ по изданию, подготовленному Ингой Ауэрбах [Auerbach 1976–2005], которое является первой публикацией полного текста памятника. В основу издания Ауэрбах положена рукопись, хранящаяся в Германии, в Вольфенбюттельской библиотеке им. герцога Августа (Wolfenbüttel, Cod. Guelf. 64.43 Extrav., последняя четверть XVI в. (далее — W)). НМ представляет собой довольно большое по объему произведение, и рукопись W состоит из примерно 470 листов. В ходе исследования наборное издание текста сверялось с микрофишей списка W. Ознакомьтесь с рукописью de visu, к сожалению, оказалось невозможным из-за ее плохой сохранности. Помимо рукописи W, Ауэрбах приводит в своем издании разночтения еще по пяти вспомогательным спискам.

В свете предыдущих исследований исторической славянской письменности язык церковнославянских переводов князя Курбского может показаться во многом загадочным, странным или даже ошибочным, поскольку в нем наблюдаются существенные отклонения от того, каким мы представляем «правильный» или «хороший» церковнославянский язык XVI в. Такой взгляд на язык переводов Курбского встречается уже у А. И. Соболевского или К. В. Харламповича (см. [Соболевский 1911: 13]) и резюме доклада Харламповича в [Перетц 1900: 44]; ср. [Bounatirou 2018a, т. 1: 82–89] и там же о подобных взглядах у современных исследователей). Мнение о странности или ошибочности языка переводов Курбского подтверждают, казалось бы, следующие пассажи из НМ:

---

¹ См. также рецензию на монографию [Буланин 2020].

- (1) кра(т)ко писаніе до просвещаемы(х) [= U²]... [НМ 462v7³]
Catechesis ad *illuminandos*... [Базель 1558: 1, β3v (правый столбец), 20⁴];
- (2) а зраще тов рад(о)ст[ь] ѿ(т)ч(о)у старвйшии с[ь]нъ смущае(т)са. того лице оны(м) раво(т)нико(м) о(у)подовле(н)но [U: ...*oupodobleniju*] приписуе(т)са: иже [= U] та(к)же во ева(н)гелии по раво(т)е виногра(д)ной на г[оспод]а ро(в)тали, иже и(м) цельи(й) д[е]нь во труд[ь]х изнемогши(х) [U: *iznemogši(ch)*], онаго во едины(й)надеса(т)[ь] ч(а)с(е) прише(д)шаго, мздою сровна(л). [НМ 184v14–19].
Videns ergo hanc laetitiam patris senior filius, contristatur. Huius persona illis operariis *comparanda* adscribitur: qui similiter in evangelio post operationem vineae ad dominum murmuraverunt, quod illis tota die in operibus labore *confectis*, illum qui ad duodecimam horam venerat, pretio mercedis aequasset. [Базель 1558: 2, 1317, 53–59].

Фрагмент (1) содержит начало заглавия сочинения. В нем обращает на себя внимание то, что в переводе просвещаемы(х), как кажется, не передано вообще или передано неоднозначно значение долженствования, которое присуще латинскому герундиву *illuminandos* в предложном обороте *ad illuminandos* ‘тем, которые должны быть просвещены’. Следовательно возникает сомнение в том, что Курбский справился с переводом герундива, употребляя в данном месте отглагольное образование на *-т-. Именно в пользу этого предположения говорит форма о(у)подовле(н)но в примере (2), т. е. отглагольное образование с суффиксом *-н- (точнее ⁺-нън-)⁵, которое читается как эквивалент герундива *comparanda* в тексте НМ по списку W. В случае с о(у)подовле(н)но, как представляется, значение долженствования в переводе тоже не выражено. Касательно фрагментов (1) и (2), кроме основного текста по рукописи W, Ауэрбах ссылается на варианты из списка НМ Российской государственной библиотеки (собрание Ундольского № 187, фонд 310 (далее — U)⁶). Странная форма просвещаемы(х) в (1) засвидетельствована в обеих рукописях. Однако вместо о(у)подовле(н)но в примере (2) список U содержит разночтение *oupodobleniju*. Этот вариант формально совпадает с отглагольным существительным в дательном

² О втором списке U см. ниже.

³ В ауэрбахском издании НМ по списку W надстрочные буквы вносятся в строку и выделяются подчеркиванием. В наших цитатах из НМ и других памятников надстрочные буквы вносятся в строку и берутся в круглые скобки. О принципах нашей передачи текста славянских и латинских исторических источников (включая текст их современных изданий) см. [Bounatirou 2018a, т. 1: 99–156]. При этом сложным вопросам издания текста НМ посвящены [Bounatirou 2018a, т. 1: 102–150]. Ср. о последней проблеме также следующий раздел предлагаемой статьи.

⁴ Ссылки на [Базель 1558] указывают на том, столбец и строку.

⁵ Как и в [Bounatirou 2018a], для описания языка Курбского мы используем, когда возможно, запись в виде **метаславизмов** при указании на морфемы или цепочки морфем (в том числе абстрактные словоформы). Под такой записью понимается нормализация, при которой морфы, т. е. морфологические единицы, встречаемые в конкретном рукописном тексте, сводятся к морфеме в ее общеславянской форме. Метаславянская форма ориентируется на фонетический облик морфемы в древнецерковнославянском языке и обозначается знаком (*). Главной причиной для использования данной обобщающей записи является довольно свободное варьирование в тексте НМ по W морфологически эквивалентных элементов с фонетико-графематическими особенностями южно-, восточно- и западнославянского происхождения (см. о подробностях [Bounatirou 2018a, т. 1: 25–26, т. 2: 502–532]). Об одновременном использовании элементов разного генетического происхождения см. также следующий раздел настоящей статьи.

⁶ Та часть списка U, которая содержит текст НМ, датируется началом XVII в. О датировках W и U см. описание свидетелей текста НМ в [Bounatirou 2018a, т. 1: 44–50].

падеже. Но объяснить его значение и синтаксическую функцию в данном контексте оказывается еще более сложным, чем объяснить форму о(у)подовле(н)но. В связи с морфологическим анализом словоформы о(у)подовле(н)но добавим, что в языке НМ в том виде, в котором он зафиксирован в тексте списка W, образования с суффиксальным ⁺-n- и ⁺-nъn- различаются в принципе только формально, и ⁺-n- и ⁺-nъn- представляют скорее алломорфы суффикса *-n-/ *-t- (ср. о распространении суффикса ⁺-nъn- и соответствующих написаниях в W [Bounatirou 2018a, т. 1: 324–325]).

Кроме того, в примере (2) читается странная несогласованная форма относительного местоимения ⁺iže — ѡже, засвидетельствованная как в списке W, так и в списке U. В данном языковом контексте мы ожидали бы скорее форму иже. В переводе ѡже тоже можно видеть доказательство того, что переводчик недостаточно хорошо владел либо языком источника, либо церковнославянским языком.

Наконец, в примере (2) по рукописи W читается странная форма изнемогши(х), тоже имеющая аналог в списке U (*iznetogši(ch)*). Эта словоформа встречается в составе выражения и(м) цельи(й) д[е]нь во трудѣ(х) изнемогши(х), которое передает латинское *illis tota die in operibus labore confectis* ‘[он приравнял его] к изнемогшим от тяжких трудов в течение целого дня’ (буквальный перевод: «к изнемогшим в работе от трудов в течение целого дня»). В соответствии с латинским текстом здесь мы должны были бы скорее ожидать перевод и(м) цельи(й) д[е]нь во трудѣ(х) изнемогши(м). Не полностью исключено, что книжник запутался в переводе: вместо того, чтобы отнести *confectis* к *illis*, он отнес его к более близким *operibus*, что дало бессмысленное во трудѣ(х) изнемогши(х).

Изобилие примеров в НМ, представляющих трудности для интерпретации, заставляет нас задуматься о природе аномалий, с которыми мы имеем дело в примерах (1) и (2). Идет ли речь об ошибках в рукописной традиции (в том числе об описках), об ошибках, вызванных недостаточным владением церковнославянским языком, об ошибках, вызванных слабым знанием латинского языка, об ошибках перевода или же о чем-то другом?

Хотя НМ представляет наибольшее по объему произведение Курбского, данное полностью, язык НМ в прошлом сравнительно мало исследовался. Это было одной из причин, которая подтолкнула нас к более обстоятельному изучению языка данного памятника [Bounatirou 2018a; Bounatirou 2018b; Bounatirou 2019]. Языком НМ или языковыми особенностями его списков в прошлом занимались в ограниченном объеме Ф. Ливер [Liewehr 1928], И. Ауэрбах [Auerbach 1976–2005] и Ю. Бестерс-Дильгер [Besters-Dilger 1992]. Для изучения НМ также немаловажны исследования о языке других произведений князя, в частности его переводов. В этом отношении имеет особенно большую ценность научное издание церковнославянского перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина Курбского (далее — БгК), подготовленное Ю. Бестерс-Дильгер. Во-первых, БгК является тоже довольно большим по объему переводом, а во-вторых, издание Бестерс-Дильгер снабжено комментарием с подробными лингвистическими объяснениями [Besters-Dilger 1995], а также имеется связанное с этим изданием лексикологическое исследование [Besters-Dilger 1992]. Перевод БгК, как и НМ, по всей видимости, сделан в основном с латинского источника, даже если оригинал БгК — трактат «Богословие» — текст греческий (см. подробнее об источниках: [Bounatirou 2018a, т. 1: 63–67]).

В настоящей статье краткости ради мы будем говорить о Курбском как об авторе или переводчике изучаемых текстов, хотя известно, что князь Андрей не работал один и что у него были сотрудники. Следует предположить, что Курбский был скорее руководителем группы людей, которые переводили или составляли тексты (ср. [Bounatirou 2018a, т. 1: 56–59], а также, напр., [Besters-Dilger 1995: XX–XI], в частности примеч. 42–45).

Действительно ли «аномалии» аномальны?

Общие соображения о методике анализа

В нашем анализе мы исходим из тезиса о том, что по крайней мере три примечательных феномена во фрагментах (1) и (2) представляют собой не языковые аномалии или языковые ошибки, а явления, принадлежащие языковому узусу Курбского. Речь идет о переводе герундива отглагольным образованием на *-*m*- и отглагольным образованием на ⁺-*ny*-, а также об использовании несогласованной формы относительного местоимения *яже*. В отличие от этого, форма *изнемогши(х)* и различие из *U oipodobleniju*, вероятно, действительно являются аномалиями, но не языкового рода и принадлежащими не Курбскому. Они представляют собой скорее ошибки, появившиеся в рукописной традиции НМ при переписывании памятника.

Важным инструментом при объяснении языковых трудностей в исторических текстах является поиск параллелей к ним в более широком языковом контексте, так как такие параллели предоставляют доказательства того, что рассматриваемые примечательные языковые средства использовались систематически и, следовательно, сознательно. Одновременно мы получаем подтверждения тому, что эти же средства, по всей вероятности, считались книжниками, употреблявшими их, корректными и уместными для данного текста. Иными словами, параллели свидетельствуют в пользу гипотезы о неслучайном происхождении анализируемых явлений. Такие параллели, указывающие на систематическое, осознанное использование определенного языкового средства в НМ, можно найти в самом НМ, а также в других произведениях Курбского.

Кроме того, об употребительности языкового средства могут свидетельствовать и параллели из произведений других авторов. При этом у князя Андрея, выходца из Московии, убежавшего в Юго-Западную Русь, где он и создал большинство своих произведений, мы имеем довольно большое разнообразие текстов других авторов как источников параллельных мест. Такими текстами могут быть в том числе восточнославянские произведения как из Московской Руси, так и из Юго-Западной Руси, а также произведения на западнославянских языках, в частности на польском. Дело в том, что использование многочисленных рутенизмов и/или полонизмов в НМ объективнее всего объясняется тем, что НМ как таковой возник в рутенской языковой среде и не может рассматриваться как изначально русский текст, содержащий рутенско-польские элементы. Признаком высокой степени рутенизации языка НМ является, например, то, что рутенские элементы могут встречаться даже в цитатах из Евангелия [ср. Bounatirou 2018a, т. 1: 264], хотя именно при цитировании Евангелия ожидается более строгое следование устоявшейся традиции. Если вписывать НМ исключительно в контекст русской языковой культуры, объяс-

нить использование рутенизмов в библейских цитатах не представляется возможным. В свете сказанного нет ничего удивительного в том, что процитированный выше фрагмент (1) содержит пример такого типичного для рутенской письменности средства выражения, как предлог ⁺do для обозначения направления *вообще* (ср. [Moser 1998: 260–264]). Употребление генетически церковнославянских (т. е. южнославянских) элементов рядом с генетически восточнославянскими и польскими не является эксклюзивной особенностью книжных текстов Курбского. В качестве параллелей можно указать на произведения других авторов из Юго-Западной Руси, например на книжные пассажи в сочинениях Ивана Вишенского или на текст грамматики Мелетия Смотрицкого (см. [Bounatirou 2018a, т. 1: 266, 272]; ср. также общую социолингвистическую характеристику языка НМ в [Bounatirou 2018a, т. 1: 261–287]).

Сформулированное общее предположение о пользе параллелей для установления корректного языка особенно целесообразно применять к таким книжникам, как Курбский, язык произведения которых не был кодифицирован в современном смысле слова. Определение языковых норм при помощи анализа параллелей оправдано в случае Курбского не в последнюю очередь и потому, что при его жизни еще не существовало собственно грамматик или словарей, из которых возможно было бы получить непосредственную информацию о нормах языка⁷. Такие справочники возникли только после смерти князя в конце XVI в. (см. [Bounatirou 2018b: 247, 259])⁸. Кроме того, представляется сомнительным, что правила, содержащиеся в грамматиках и словарях церковнославянского языка или в сходных справочниках, были общеобязательными в современном смысле. Скорее, общеобязательной нормы вообще не было, по крайней мере до возникновения новоцерковнославянского языка [см. Кайперт 2017: 28–29]. Нормы существовали в виде языкового узуса, подходящего для определенного типа («жанра») произведения. Книжники усваивали эти нормы и, соответственно, этот узус, в основном ориентируясь на другие более ранние славянские тексты похожего типа («жанра»), которые, таким образом, служили своего рода образцами (ср., напр., [Живов 1988: 51–56; 2017, т. 1: 208–213, 231–233, 748–749]; см. о конкретных примерах из произведений Курбского [Bounatirou 2018a, т. 1: 269–270, т. 2: 572–573, 728]). Следовательно, предлагаемый метод установления языкового узуса на основе повторяющихся текстовых элементов (потенциально служивших образцами), базируется на методологическом принципе, который, судя по всему, соответствует тому, как нормы бытовали и усваивались в эпоху, предшествующую современной кодификации. Насколько нам известно, подобный метод определения языковых норм до сих пор не получил широкого распространения в научных исследованиях о языковых ошибках в исторической восточнославянской письменности (см. [Bounatirou 2018a, т. 2: 763–764, 773] и указанную там литературу, в том числе, напр., работы Н. Н. Запольской и И. В. Вернер; ср. также определение нормы в [Живов 2017, т. 1: 463] и работу [Зяблицына 2018]).

⁷ Однако нельзя исключать использование Курбским источников металингвистического и нормализующего содержания, представляющих ранние формы грамматик и словарей ([Bounatirou 2018a, т. 1: 270]).

⁸ Ср. также общий анализ концепта языковой ошибки vs корректного языка в исторических текстах в [Bounatirou 2018b] и соответствующие значительно расширенные соображения в [Bounatirou 2018a, т. 1: 90–96, т. 2: 760–775].

Гипотеза о значении параллелей для различения случайного от преднамеренного применима также и к анализу работы писца. В этом случае наличие параллелей к проблемным явлениям тоже может служить опровержением того, что «аномалия» является единичным произвольным написанием и восходит к ошибке писца. Более того, вероятность, что определенная «аномалия» в тексте W, как и в других списках НМ, появилась из-за ошибки копииста, снижается тогда, когда нам удается найти параллели к анализируемому феномену в других произведениях, которые переписывались независимо от НМ, например в БгК, или, конечно же, в текстах других авторов. Само собой разумеется, что желательно, чтобы данные параллели из других памятников были засвидетельствованы в рукописной традиции.

Важно, однако, принимать во внимание, что наше исследование графематических особенностей рукописи W (и, в частности, ее сравнение с другими свидетелями текста) позволило выявить большое число испорченных мест, по всей вероятности восходящих именно к опискам копииста. Данные ошибки-описки касаются прежде всего использования надстрочных букв. Например, мы наблюдаем пропуск надстрочной буквы ("тогда о(т)пустиша и [M: i(m)⁹] вара(в)ву:..." [НМ 32r18] (= Мф. 27: 26)/*Tunc dimisit illis Barrabam*:... [Базель 1558: 3, 809, 60]; употребление неправильной надстрочной буквы ⟨сохранае(м)⟩ (U: ⟨sochranjae(t)⟩) [НМ 214v28]/*conservat* [Базель 1558: 3, 431, 35]; ⟨послушае(м)⟩ (U: ⟨posloušae(š)⟩) [НМ 216v13]/*parueris* [Базель 1558: 3, 433, 10]; использование излишней надстрочной буквы: ⟨на(с) в то(т)же доводъ рече́ние(м) [U: rečenie] пакы привело [НМ 305v14]/*in idem nos argumentum oratio haec iterum deduxit* [Базель 1558: 3, 1048, 38–39]. Многочисленные примеры на каждый подтип описок см. в [Bounatirou 2018a, т. 1: 320–326] (также в связи с проблемой описок копииста см. исследование основных аспектов истории текста НМ в [Bounatirou 2018a, т. 1: 157–260]).

Как видно из проведенного анализа, сами ошибки могут выступать как систематическое явление. Именно на это указывает упомянутая высокая частотность ошибок при написании надстрочных букв. Данный факт, на первый взгляд, свидетельствует о несостоятельности выдвинутого тезиса о том, что наличие параллелей к определенным языковым явлениям может интерпретироваться как доказательство их узуальности. Тем не менее следует иметь в виду, что книжные тексты позднего времени по-прежнему изучены недостаточно, особенно их синтаксис (ср. [Кайперт 2017: 18–19], а также [Bounatirou 2018a, т. 1: 15] и указанную там литературу). Так как до сих пор о языке данных текстов нам известно довольно мало и мы плохо знаем их языковые нормы, следует быть особо осторожными при определении того, что противоречит этим нормам, т. е. того, что в текстах является ошибочным. Это касается выделения ошибок не только автора произведения (переводчика)¹⁰, но и идентификации ошибок переписчика. А. А. Зализняк по этому поводу замечает:

⁹ О данном списке ГИМ (Синодальное собрание № 219), датированном 1570–80 гг., см. [Bounatirou 2018a, т. 1: 44–45, 48–49].

¹⁰ См. в данном контексте [Bounatirou 2018a, т. 1: 267–268] о признании Курбским в НМ своих собственных языковых недостатков. За этим, однако, может крыться отчасти и топос скромности. В том же НМ мы можем также найти замечания Курбского, отражающие определенную степень уверенности в своих языковых способностях.

Как известно, версия об ошибке писца — самый дешевый способ выйти из затруднения и должна приниматься лишь в последнюю очередь, после того, как исчерпаны прочие возможности объяснения [Янин и др. 2004: 263].

Соответственно, мы классифицировали написания из W типа («тогда о(т)путиши и [M: i(m)] вара(в)ву:…» [НМ 32r18] как описки только потому, что альтернативные объяснения представляются значительно менее правдоподобными. В этой связи следует принять во внимание, например, менее проблемные разночтения, которые мы встречаем во вспомогательных списках (ср. в процитированном примере ⟨и⟩ [НМ 32r18] в тексте W при разночтении из M ⟨i(m)⟩ и т. п.). Кроме того, необходимо учитывать, что определенные разновидности обсуждаемой формы ошибки копииста, т. е. описки при употреблении надстрочных букв, также отмечались при изучении других памятников [Bounatirou 2018a, т. 1: 320, 323–324] и что обнаруживаются иногда даже корректуры описок, сделанные самим переписчиком, — ср. ⟨крови проли(т)угые⟩ [НМ 2r4] и ⟨вбра(э)за⟩ [НМ 278v24] с вычеркнутыми выносными ⟨т⟩ и ⟨э⟩¹¹ наряду с той же опиской ⟨ω(т)го всего свѣта⟩ [НМ 19r18] без корректуры.

Метод поиска параллелей, наконец, применим к критическому анализу результатов работы современных издателей исторических текстов. Проведенное нами детальное сравнение текста НМ по изданию Ауэрбах с микрофишей рукописи W, к сожалению, выявило множественные случаи ошибочных интерпретаций рукописного текста, в том числе его неточной или непоследовательной передачи [Bounatirou 2018a, т. 1: 102–150]. Для иллюстрации мы ограничимся несколькими примерами. Так, в тексте издания встречается немало случаев, когда надстрочные буквы ошибочно не обозначены (ср. (3)). Иногда наблюдается неверные прочтения букв (ср. (3)) или пропуски графематических сегментов, в том числе даже коротких словоформ (ср. (4)):

- (3) ⟨"вне(м)лите [Ауэрбах: внемлите] м[и]л[о](с)тиноу ва(ш)у не творити [Ауэрбах: творите; U: tvoriti] пре(д) ѿ[е]л[овѣ]ки..." [НМ 203r8–9] (= Мф. 6:1)
Attendite, ne iustitiam vestram faciatis coram hominibus... [Базель 1558: 2, 1171, 45–46];
- (4) ⟨"в мѣре кою есте [в тексте издания Ауэрбах есте нет; U: este] мѣрили ω(т)мѣри(т)са вамъ." [НМ 193r4] (= Мф. 7:2/Мк. 4:24/Лк. 6:38)
In mensura, qua mensi fueritis, in eadem remetietur vobis [Базель 1558: 2, 1177, 2–3].

Наш анализ [Bounatirou 2018a, т. 1: 102–150] позволил предложить и обосновать модифицированный способ цитирования (и шире — издания), который дает возможность последовательнее передавать текст списка W в соответствии с палеографическими особенностями рукописи. Наряду с параллельными местами из основного текста НМ (рукописи W), дополнительным средством для оценки работы издателя является учет разночтений из вспомогательных списков (см. варианты из U в (3) и (4), которые упоминаются в издании НМ; ср. также [Bounatirou 2018a,

¹¹ В тексте издания данные исправления не отмечаются. Так, мы читаем, напр., в случае последнего написания в издании ωбразд. Об использовании Ауэрбах знака ⟨ω⟩, который в рукописи W на самом деле не встречается, см. [Bounatirou 2018a, т. 1: 106–107]. В наших цитатах ⟨ω⟩ обычно сохраняется, ср. в этой связи [Bounatirou 2018a, т. 1: 112–113]. См., кроме того, о нерешенном окончательно вопросе, сколько писцов трудились над написанием списка W [Bounatirou 2018a, т. 1: 289].

т. 1: 103–105] о других факторах, облегчающих проблему ошибочных прочтений издателя).

Отглагольные образования на *-*m*- и *-*n*- со значением пассивного долженствования как узуальные средства выражения

Если мы последовательно применяем вышеописанный подход к установлению языковых норм к примерам (1) и (2), использование в них отглагольных образований на *-*m*- и *-*n*- со значением пассивного долженствования оказывается намного менее загадочным, чем кажется на первый взгляд (ср. [Bounatirou 2018a, т. 2: 561–567]). Параллели из самого НМ к рассматриваемому употреблению отглагольных форм встречаются в следующих отрывках:

- (5) не хоче(т) своеє м[о]л[и]твы о(у)слыша(н)ни бы(ти), которы(й) мни(т) заповеди в[о]жин презиремы бы(т)[ь]¹² [НМ 212r14–15]
Non vult suam orationem audiri, qui putaverit praecepta dei debere contemni. Базель 1558 3, 428, 54–56;
- (6) ѿ раздѣланно вещей твоих(х) ѿ(т) тебе дѣла(н)ны(х) [= U] и ѿ жытню мних(о)в [НМ 465r21–22]
De dispensatione rerum tuarum per te ipsum facienda, et de vita monachorum, Sermo [Базель 1558: 1, β4v, 45–47].

Еще об одном примере из НМ, в котором образование на *-*n*- выступает как перевод латинского герундива с интересующим нас значением, см. [Bounatirou 1918a, т. 2: 564]). О гипаллаге в случае с переводом дѣла(н)ны(х) в (6) см. следующий раздел данной статьи.

Как видно из приведенных примеров (1), (2), (5) и (6), анализируемые единицы служат, в частности, для передачи латинского герундива. Кроме того, мы находим параллели в славянской версии «Парадоксов стоиков» Марка Туллия Цицерона (далее — Парад.), а следовательно, в переводе, который принадлежит самому Курбскому и его сотрудникам или который был Курбскому известен:

- (7) того ра(д)и что ни е(с)ть по(х)ва(л)но то і благо(с)ловенно и цветуще. и во(ж)дѣлѣнно быти подобаетъ [Парад. 149r2–4]
примеч. 2 к во(ж)дѣлѣнно в главном тексте: ждеемо (в списках Я, С, А, П этой маргиналии нет)
Quamobrem quicquid est laudabile, idem et beatum, et expetendum videri potest¹³ [Соч. Курб.: 137, стр. 15, примеч. а].

См. подробнее о Парад., его латинском источнике и тех изданиях, по которым цитируются эти тексты в [Bounatirou 2018a, т. 1: 79–80]. В примере (7) обращает на себя внимание тот факт, что образование на *-*n*- снабжено, как видно, синонимической маргиналией в виде формы на *-*m*-. Тем самым мы получаем дополнительное доказательство того, что оба образования могут употребляться в идентичной

¹² О графико-орфографических и/или фонетических особенностях типа написания ⟨и⟩ для передачи этимологического *у в ⟨о(у)слыша(н)ни⟩ и ⟨е⟩ для передачи этимологического *ѣ в ⟨заповеди⟩ см. [Bounatirou 2018a, т. 1: 347–348, 366–367]. О родительном падеже именной группы своеє м[о]л[и]твы, которая выступает как подлежащее инфинитивной группы, см. [Bounatirou 2018a, т. 1: 359].

¹³ В. С. Томеллери упоминает как варианты *potest* — *decet* и *debet* [Tomelleri 2013: 194, стр. 100].

функции (ср. о роли глосс в произведениях Курбского, в которых содержатся синонимические выражения [Bounatirou 2018a, т. 1: 225–234]). В исследовании Бестерс-Дильгер тоже указывается на то, что латинский герундив в БгК передается «страдательными причастиями настоящего и прошедшего времени» («Ptz. Präs./Prät. Passiv») [Besters-Dilger 1992: 53–54]. К сожалению, ученый не приводит конкретных примеров (ср., однако, пример с суффиксальным образованием на *-m- в должностовательном значении как перевод герундива, процитированный в [Bounatirou 2018a, т. 2: 567]). Таким образом, использование отглагольных образований на *-m- или *-n- в изучаемой функции, сходной с латинским герундивом, зарегистрировано минимум в трех произведениях, принадлежащих или известных Курбскому. На этом фоне действительно труднообъяснимую форму *ouporodobleniju* из списка U, которая читается в примере (2) как эквивалент латинского *comparanda* вместо о(у) подовла(н)но в W, можно расценить, скорее всего, как опisku (ср. сходную опisku в списке БгК в пассаже, приведенном в [Bounatirou 2018a, т. 2: 727]).

Параллели к примечательному употреблению данных отглагольных суффиксальных образований мы обнаруживаем также уже в славянском переводе «Синтагмы XVI титулов без толкований». Его древнейший восточнославянский список — т. н. «Ефремовская кормчая», — положенный в основу текста издания перевода В. Н. Бенешевича (далее — ДСК), восходит к XII в. (см. о современной датировке, напр., [Крысько 2004: 22, примеч. 3]). Рассматриваемые единицы с суффиксами *-m- и *-n- в ДСК используются для передачи греческих отглагольных прилагательных на -τέος (см. [Keipert 1989: 454–456]), для которых, как и для латинского герундива, характерно значение пассивного должностования, ср., например:

- (8) б. о проповѣданѣи стѣби трѣци
 съворъ вьсь рече. Хоташю боу равньнѣимъ исповѣданнѣмъ цркъвьнага вѣра нами прѣданага
 въ семь равньнѣимъ сзшьствѣи. първообразно исповѣдана кестъ. потомъ цркъвьнѣи чинъ съ
 разоумъмъ коеюгождо и въкоупъ вьсѣхъ. сзхранѣма кестъ [ДСК 311, 26–312, 6]
- β'. Περὶ κηρυκτέας τῆς ἁγίας τριάδος.
 Σύλλασα ἡ σύνοδος εἶπεν· Θελοντος τοῦ θεοῦ, ἴση ὁμολογία ἡ ἐκκλησιαστικὴ πίστις,
 ἡ δι' ἡμῶν παραδιδομένη [акцент так!], ἐν ταύτῃ τῇ ἐνδόξῳ συνελεύσει πρωτοτύπως
ὁμολογητέα ἐστίν· ἔλειπα ἡ ἐκκλησιαστικὴ τάξις μετὰ συνέσεως ἐκάστου καὶ ὁμοῦ πά-
 ντων φυλακτέα ἐστί.

Кроме того, в (8), обращает на себя внимание тот факт, что греческому ἐνδόξῳ соответствует равньнѣимъ, что представляет, вероятнее всего, опisku вместо (славьнѣимъ) или (прѣславьнѣимъ)¹⁴. Данную ошибку могло вызвать предшествующее (равньнѣимъ)/*ιση*. В случае с сзхранѣма переводчик, по-видимому, сохранил женский род греческого эквивалента φυλακτέα, несмотря на то что сзхранѣма относится к чинъ, т. е. зависит от него морфологически¹⁵.

¹⁴ Предложенная конъектура представляется вполне вероятной также потому, что ἐνδοξος переведено в ДСК и во всех остальных местах или прилагательным *slavъnъ, или прилагательным *prěslavъnъ, ср. [Максимович 2010, т. 2: 403]. Следует добавить, что обсуждаемая конъектура в [Максимович 2010] не упоминается (см. также [Максимович 2010, т. 1: 260–261]).

¹⁵ Многочисленные примеры подобного сохранения рода латинских словоформ тоже встречаются в переводах Курбского. Среди прочего из-за распространенности этого явления в церковнославянской письменности в нем необязательно следует видеть ошибку переводчиков, ср. [Bounatirou 2018a, т. 2: 723–733]. Распространенность феномена также иллюстрирует пример (8).

Отглагольные образования на *-*m*- и *-*n*- для передачи латинского герундива в должностовательном значении встречаются также в «Толковой Псалтири Брунона» Дмитрия Герасимова. Обнаруживаются такие примеры, как: не менша имѣема и дѣйствиѣма бл҃годать естъ. тѣмъ.../Non minor *habenda* atque *agenda* gratia est eis...; ...хвалимо прележаніе писарево.../...*laudanda* *sedulitas* *scriptoris*... (цит. по тексту, воспроизведенному в [Томеллери 2006: 246–247]). Перевод «Толковой Псалтири Брунона» был закончен Дмитрием Герасимовым в Новгороде в 1535 г., хотя список, по которому приведены цитаты, датируется только концом XVII в. [Томеллери 2013: 196; Tomelleri 2004: 89]. Указанные параллели из перевода «Синтагмы XVI титулов без толкований» и Толковой Псалтири Брунона тем более интересны, что рассматриваемое языковое явление до сих пор регистрировалось в научных исследованиях довольно редко. В то же время важно отметить, что после публикации работы [Keipert 1989] примеры сходного перевода латинского герундива с помощью отглагольных образований на *-*m*- и *-*n*- были обнаружены, кроме Толковой Псалтири Брунона, и в других церковнославянских памятниках. К ним принадлежат «40 бесед на Евангелия Григория Двоеслова (Великого)», которые тоже сохранились в восточнославянских списках (см., в частности, [Fetková 1999: 159–163; Konzal 2005: 175–189]).

Анализируемое употребление отглагольных образований в переводах «Синтагмы XVI титулов без толкований» и Толковой Псалтири Брунона Г.Кайперт и В.С.Томеллери классифицируют как ошибки [Keipert 1989: 454–456; Tomelleri 2010: 158; Томеллери 2013: 217, 219–221]. Они критикуют неточность перевода, потому что в нем модальное значение должностования или не выражено вообще, или по крайней мере выражено неоднозначно. Так, Кайперт склоняется к мнению, что в рассматриваемых переводах должностовательное значение не передано вообще. О переводе отглагольных дериватов на -*téos* «причастием настоящего времени страдательного залога» («Participium praesentis passivi») он пишет:

Wenn man nicht annehmen will, daß die Bedeutung dieser semantisch z. T. schon zu Adjektiven gewordenen Partizipialbildungen auf -(o)mъ nach dem Vorbild von -*téos* um eine weitere Nuance, eben die der Notwendigkeit, vermehrt worden ist, dann muß man die meisten Stellen als ungenau, irreführend mehrdeutig oder sogar als falsch übersetzt ansehen, weil sie das, was nach der Intention des griechischen Wortlauts getan werden muß oder soll, als lediglich machbar oder, bei rein passivischem Verständnis, als gerade im Vollzug begriffen umdeuten... [Keipert 1989: 454]

Если не предполагать, что к значению этих причастных образований на -(o)mъ, которые семантически отчасти уже превратились в прилагательные, добавлен по образцу дериватов на -*téos* еще один оттенок, а именно оттенок должностования, то следует видеть в большинстве примеров переводы, которые неточны, многозначны и вводят в заблуждение или которые даже неправильны: в этих переводах иначе осмысливается греческий оригинал и передается то, что согласно греческому источнику *должно* быть сделано или что *следует* сделать, лишь как то, что *можно* сделать, или при чисто пассивной интерпретации как то, что в настоящий момент делается...

Похожую интерпретацию предлагает [Томеллери 2013: 217]; ср. ту же критику Кайперта о переводах посредством образований на *-*n*- в [Keipert 1989: 455–456]. Однако указанные нами параллели из разных памятников явно свидетельствуют

о том, что существовал узус использования анализируемых форм на **-m-* и **-n-* для передачи элементов со значением пассивного долженствования¹⁶. Соответственно, у нас есть основания допускать, что круг значений славянских суффиксальных образований действительно обогатился семантикой долженствования. В противном случае, следуя аргументации Кайперта, пришлось бы предположить, что в истории церковнославянской переводной письменности переводчики довольно регулярно могли ошибаться при передаче именно элементов с пассивным долженствительным значением. Иными словами, следовало бы исходить из того, что переводчики могли довольно регулярно невольно не передавать долженствительное значение (см. также в этой связи наши соображения в [Bounatirou 2018a, т. 2: 774]). Но подобное предположение маловероятно по крайней мере по трем соображениям. Во-первых, представляется уместным несколько адаптировать тезис Зализняка об идентификации писцовых описок: объясняя необычные для нас языковые феномены, мы прибегли бы к «самому дешевому способу выйти из затруднения», если бы классифицировали долженствительное употребление образований на **-m-* и **-n-* как ошибки. При интерпретации примечательных исторических языковых явлений вообще целесообразно предполагать ошибку «лишь в последнюю очередь, после того, как исчерпаны прочие возможности объяснения». Это тем более относится к письменности, язык которой, как уже говорилось, все еще недостаточно изучен. Во-вторых, следует исходить из того, что древние переводчики, как и современные, обычно старались передавать в своих переводах содержание источников (ср. также [Bounatirou 2018a, т. 1: 90]). Поэтому, когда мы наблюдаем повторный перевод определенных элементов источника одними и теми же средствами, мы получаем доказательства того, что эти средства имеют то же значение, что их эквиваленты в иноязычном оригинале. В-третьих, маловероятно как раз в случае с Курбским, что он во всех релевантных примерах (1), (2), (5)–(7) допустил ошибку еще и по той причине, что представленные латинские пассажи с анализируемыми долженствительными элементами синтаксически не очень сложны.

Критика того, что для выражения пассивного долженствительного значения в славянском переводе выбрано многозначное, т. е. недостаточно однозначное, средство, особенно четко формулирует Томеллери (ср. также проблематику многозначности перевода, упомянутую Кайпертом в приведенной цитате). По мнению Томеллери, данный недостаток относится к употреблению форм на **-n-* в Толковой Псалтири Брунона [Tomelleri 2010: 158; Томеллери 2013: 220–221]. Дело в том, что это образование используется одновременно в чистом пассивном и в пассивном долженствительном значении, т. е. оно передает в одном тексте и герундивы, и причастия прошедшего времени страдательного залога в латинском источнике. Однако данная критика тоже неприменима к НМ. Она означала бы анахронистический перенос современных представлений о понятности текста на языковое мышление предыдущих эпох, в том числе языковое мышление Курбского. Так, в гораздо большей степени следует учитывать тот факт, что представления Курбского о по-

---

¹⁶ Не вполне ясно, насколько наличие подобного рода параллелей сыграло роль при оценке интересующих нас славянских переводов как ошибочных в работах [Tomelleri 2010; Томеллери 2013]. Кроме того, обращает внимание то, что Кайперт сначала сам допускает возможность того, что сформировался новый узус употребления суффиксальных образований на **-m-* и **-n-* в долженствительном значении. Но от этой мысли он, как следует из цитаты, тут же отказывается.

нятности текста НМ не соотносятся с современными представлениями о легкости чтения и понятности текста. Несмотря на явное уважение князя к западному латинскому образованию (об этом см. следующий раздел), его представления точно так же не соответствуют идеалу ясности — *perspicuitas* — как основного стилистического принципа классической и гуманистической риторики. Все это сказывается, например, в стремлении Курбского к вариативности при переводе, наблюдаемой в разных его произведениях (ср. анализ в [Bounatirou 2018a, т. 1: 234–246]). Однако стремление к вариативности средств выражения у Курбского настолько сильно, что оно зачастую значительно мешает понятности в современном смысле слова. При этом очевидно, что терминологический идеал однозначности играл второстепенную роль. Таким образом, употребление отглагольных образований на *-n-, а также на *-m- в разнообразных значениях, с оттенком долженствования и без него, хорошо вписывается в общую картину языка князя Андрея (ср. о различных значениях обсуждаемых единиц [Bounatirou 2018a, т. 2: 550–582]). Более того, параллели из произведений, которые принадлежат не Курбскому, говорят в пользу того, что современный идеал однозначности перевода и понятности к данным текстам тоже применим не полностью (ср. в этой связи [Буланин 1995: 26]).

Прочие упомянутые «аномалии»

На фоне сказанного точно так же есть основания расценить несогласованную форму относительного местоимения *яже* в примере (2) как узуальное, а следовательно, как уместное и корректное языковое средство: использование *иже*, *яже*, *еже* в качестве неизменяемых и в том числе несогласованных по роду форм хорошо засвидетельствовано не только в НМ, но в восточно- и южнославянской исторической письменности вообще (см. [Keipert 1968: 210–212]; о параллелях в НМ и частично даже в древнецерковнославянском и старопольском языках ср. [Bounatirou 2018a, т. 1: 385–386]). Поэтому примеры подобного употребления относительного местоимения **iže* в БгК точно так же нельзя классифицировать как ошибочные (ср. такую оценку в лингвистическом комментарии издания БгК, например, к переводам *⟨и(ж)⟩* [БгК 44a2]/*quod*; *⟨иже⟩* [БгК 110a24]/*quod*).

Перевод в виде гипаллаги, наблюдаемый во фрагменте (6) из НМ, тоже не единичное явление в этом произведении. Поэтому представляется, что переводы данного типа, т. е. с перемещением зависимости определения к смежному синтаксическому составляющему предложения, не обязательно являются ошибочными. Обратный перенос отношения синтаксической зависимости с генитивного зависимого на хозяина представлен в следующем отрывке, который содержит заглавие сочинения:

- (9) ω чєловѣчє(с)ко(м) небл[а]годарєннє и ω доброхо(т)ствє проти(в) бли(ж)ны(м) бл[а]годѣянєи х[ри]сто[вы] (м) [= U] подобє(м), слово. [НМ 465r6–8]
De hominum ingratitude, et de beneficentia in proximos, beneficiorum Christi exemplo, Sermo [Базель 1558: 1, β4v, 27–29].

Особенно в случае этого пассажа маловероятно, что переводчик просто не заметил, что формулировка была бы более естественная, если бы прилагательное зависело от генитивного атрибута бл[а]годѣянєи. Само собой разумеется, что

нельзя исключать возникновение всех указанных примеров гипаллаги из-за ошибок переписчиков. О распространенности описок при употреблении надстрочных букв в НМ и других памятниках уже шла речь во втором разделе данной статьи. Но против того, что все переводы рассматриваемого типа восходят к опискам копиистов, говорит немалое количество примеров, хорошо засвидетельствованных в рукописной традиции. Также следует заметить, что вероятность описки в связи с использованием надстрочных знаков в нескольких случаях особенно низка, ср. фрагмент (10), в котором оба списка (W и U), учтенные в издании Ауэрбах, содержат одинаковую гипаллагу в этом месте (об упомянутых примерах см. [Bounatirou 2018a, т. 2: 563, прим. 304]):

- (10) ...лютость нѣкотораго застарѣвшагоса обыкновенна... [НМ 367r24–25]
...tyrannis quaedam inveteratae consuetudinis... [Базель 1588: 3, 1077, 57–58].

Образцом для переводов обсуждаемого типа могли служить Курбскому отчасти словосочетания с гипаллагой в античных латинских произведениях (см. цитаты в [Lausberg 1990: 344]). В этой связи важно еще раз отметить открытость князя Андрея по отношению к западному гуманистическому образованию. Она проявляется в НМ, среди прочего, в использовании лексических латинизмов [ср. Bounatirou 2018a, т. 1: 276–279].

В примере (2) примечательную форму *изнемогши(х)*, однако, трудно объяснить как еще одно место, где использован рассмотренный способ перевода с помощью гипаллаги. Дело в том, что если допустить, что *изнемогши(х)* представляет собой перевод в виде гипаллаги, то следовало бы считаться с конструкцией с сильным синтаксическим нарушением, которая была составлена Курбским. Если мы допускаем данный тип перевода, будет трудно установить, например, от чего зависит словосочетание *цель(й) д[е]нь*. Мы, правда, не исключаем, что Курбский мог иногда преднамеренно составлять пассажи, создающие трудности для синтаксической интерпретации (ср. [Bounatirou 1918a, т. 2: 564–565, 771]), а также допускаем возможность того, что князь порой писал такие же пассажи невольно, в том числе и по невнимательности. Тем не менее необходимо учитывать альтернативное довольно правдоподобное объяснение аномалии в примере (2), которое элегантно устраняет действительно примечательную аномалию и к тому же не заставляет предполагать какую-либо ошибку Курбского. Мы имеем в виду возможность видеть в словоформе *изнемогши(х)* результат описки копииста (вместо *изнемогши(м)*), допущенной при написании выносной буквы. Способствовать написанию надстрочного *х* вместо *м* в *изнемогши(х)* могло и то, что непосредственно предшествующая словоформа *трудѣ(х)* содержит тоже окончание с согласным *х* в ауслауте. Подобное совпадение ошибок в списках U и W обнаруживается и в других местах НМ (см. [Bounatirou 2018a, т. 1: 322, т. 2: 497–498]). Хотя в данном случае не исключено, что ошибочное написание *изнемогши(х)* возникло в двух списках независимо друг от друга. Одновременно обсуждение рассматриваемого отрывка (2) показывает, что, несмотря на улучшенную систематизацию различных аномалий, правильная оценка объема описок в сохраненном тексте НМ остается трудностью при анализе произведения.

Заключение

В предлагаемом анализе мы попытались реконструировать часть языковых представлений Курбского, а именно языковые нормы, на которые он ориентировался, и, как следствие, его представления о том, что является корректным языком. Отказываясь оценивать качество языка Курбского и его переводов с современной точки зрения, мы развиваем мысль, высказанную среди прочего Кайпертом, констатирующим, что при анализе исторических славянских памятников следует избегать выводов, основанных на современной интуиции языка [Keipert 1968: 111]. Последовательное изучение НМ и других произведений Курбского согласно описанному здесь подходу показывает, что аномалии в языке князя Андрея, осложняющие лингвистический анализ его текстов, на самом деле не настолько часты, как это до сих пор представлялось в исследованиях. Многочисленные «несуразности» НМ (в частности, списка W), уверенно или с большой долей вероятности объясняются либо как языковой узус того времени, либо как порча, возникшая при переписывании текста. Тем самым опосредованно подтверждается и тезис, выдвинутый Томеллери [Tomelleri 2013: 169–170] в связи с анализом Парад., о том, что качество этого перевода может быть оценено более адекватно, только если исследователи будут в большей степени обращать внимание на изучение текстологии памятника.

Словари

Максимович 2010 — Максимович К. А. *Византийская Синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе. Славянско-греческий, греческо-славянский и обратный (славянский) словоуказатели*. Бургманн Л. (ред.). Т. 1–2. Ser.: Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Bd. 27. Frankfurt am Main: Löwenklau-Gesellschaft e. V., 2010.

Источники

Базель 1558 — Ioannes Chrysostomus. *Opera Divi Ioannis Chrysostomi, archiepiscopi Constantinopolitani, quotquot per Graecorum exemplarium facultatem in Latinam linguam hactenus traduci potuerunt*. Т. 1–6. Basilea: Hieronymus Froben, Nicolaus Episcopus, 1558. 6726 col.

БГК — Церковнославянский перевод «Богословия» Иоанна Дамаскина. *Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583)*. Besters-Dilger J. (Hrsg.). Ser.: Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 35, 2. Freiburg im Breisgau: Weiher, 1995. 928 S.

ДСК — *Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований*. Бенешевич В. Н. (ред.). Т. 1. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1906. 840 с.

НМ — *Andrej Michajlovič Kurbskij, Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift*. Auerbach I. (Hrsg.). Bd. 1–4. Ser.: Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen. Editionen (4), Bd. 9. Gießen: Schmitz, 1976–2005.

Парад. — Перевод «Парадоксов стоиков» II и IV Марка Туллия Цицерона в составе Третьего послания Курбского. В кн.: Ерусалимский К. Ю. *Сборник Курбского*. Т. 2. М.: Знак, 2009. С. 147v–151r.

Соч. Курб. — *Сочинения князя Курбского*. Кунцевич Г. З. (ред.). Т. 1. Сер.: Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1914. 622 стб.

W — микрофиша рукописи НМ из Вольфенбютельской библиотеки им. герцога Августа, Cod. Guelf. 64.43 Extrav., последняя четверть XVI в.

Литература

- Буланин 1995 — Буланин Д. М. Древняя Русь. В кн.: *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век*. Левин Ю. В. (ред.). Т. 1. Сер.: Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe A: Slavistische Forschungen. Т. 13 (73). Кельн, Веймар, Вена: Böhlau; СПб.: Буланин, 1995. С. 17–73.
- Буланин 2020 — Буланин Д. М. «Новый Маргарит» А. М. Курбского в истории русской переводной письменности. [Рецензия на книгу Bounatirou 2018a]. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020, 79 (1): 175–182.
- Живов 1988 — Живов В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков. В кн.: *Актуальные проблемы славянского языкознания*. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. (ред.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 49–98.
- Живов 2017 — Живов В. М. *История языка русской письменности*. Т. 1–2. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 1285 с.
- Зяблицына 2018 — Зяблицына Н. А. Переводческие ошибки в трактатах «Учителя Самуила обличение» и «Доказательство пришествия Христа». В кн.: *Latinitas in the Slavonic World. Nine Case Studies*. Tomelleri V. S., Verner I. V. (eds). Ser.: Specimina philologiae Slavicae. Vol. 192. Berlin: Lang, 2018. P. 83–111.
- Кайперт 2017 — Кайперт Г. Церковнославянский язык: круг понятий. Пер. с нем. М. А. Бобрик. *Словъне*. 2017, (1): 8–75.
- Крысько 2004 — Крысько В. Б. Комментарий к «Лекциям». В кн.: Соболевский А. И. *Труды по истории русского языка*. Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 17–65.
- Перетц 1900 — Перетц В. Н. Императорское общества любителей древней письменности. Труды и издания за 1898–1899 год. *Журнал министерства народного просвещения*. 1900, 328 (4): 39–75.
- Соболевский 1911 — Соболевский А. И. Эней Сильвий и Курбский. В сб.: *Serta Borysthenica. Сборник в честь заслуженного профессора Императорского Университета св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского*. Киев: Тип. Мейнандера, 1911. С. 1–17.
- Томеллери 2006 — Tomelleri V. S. Из истории новгородской переводной литературы: любопытный пример контаминации. In: *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag*. Bunčić D., Trunte N. (Hrsgg.). Ser.: Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 28. München, 2006. S. 243–249.
- Томеллери 2013 — Томеллери В. С. О некоторых синтаксических особенностях Толковой Псалтири Брунона (1535). Дательный самостоятельный, инфинитивные и причастные конструкции, герундий, герундив. В кн.: *Лингвистическое источниковедение 2012–2013*. Молдован А. М., Мишина Е. А. (ред.). М.: Древлехранилище, 2013. С. 196–225.
- Янин и др. 2004 — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997–2000 гг.)*. Т. 11. М.: Русские словари, 2004. 288 с.
- Auerbach 1976–2005 — *Andrej Michajlovič Kurbskij, Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift*. Auerbach I. (Hrsg.). Bd. 1–4. Ser.: Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen. Editionen (4), Bd. 9. Gießen: Schmitz, 1976–2005.
- Besters-Dilger 1992 — Besters-Dilger J. *Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert*. Ser.: Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 31. Freiburg im Breisgau: Weiher, 1992. 196 S.
- Besters-Dilger 1995 — *Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583)*. Besters-Dilger J. (Hrsg.). Ser.: Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 35, 2. Freiburg im Breisgau: Weiher, 1995. 928 S.
- Bounatirou 2018a — Bounatirou E. *Eine Syntax des „Novyj Margarit“ des A. M. Kurbskij. Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus*. Bd. 1: Philologische, sprachkulturelle und lautlich-graphematische Grundlagen. Bd. 2: Syntax. Ser.: Slavistische Beiträge. Bd. 509. Wiesbaden: Harrassowitz, 2018. 907 S.
- Bounatirou 2018b — Bounatirou E. Zum Konzept 'Fehler' am Beispiel der Analyse des „Novyj Margarit“ des A. M. Kurbskij. Die Frage der Bewertung sprachlicher Richtigkeit in historischen slavischen Texten. In: *Latinitas in the Slavonic World. Nine Case Studies*. Tomelleri V. S., Verner I. V. (eds). Ser.: Specimina philologiae Slavicae. Vol. 192. Berlin: Lang, 2018. P. 237–280.

- Bounatirou 2019 — Bounatirou E. M. Writing a syntax of A. M. Kurbskij's "Novyj Margarit". The "anomalous" adjectival locative of the type *v domu božiju* revisited. *Die Welt der Slaven*. 2019, 64 (2): 262–279.
- Fetková 1999 — Fetková P. 40 homilií na evangelia Řehoře Velikého v charvátském církevněslovanském překladu ve srovnání s překladem českoslovanským. *Slovo*. 1999, (47–49): 133–168. (V češtině)
- Keipert 1968 — Keipert H. *Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des „Vremennik Ivana Timofeeva“*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 1968. 288 S.
- Keipert 1989 — Keipert H. Die Qual der Wahl. Die griechischen Verbaladjektive auf τέος und ihre Übersetzungsäquivalente im älteren Kirchenslavisch. In: *Втори международен конгрес по българистика, София, 23 май — 3 юни 1986 г. Доклади 21. Кирилородиевистика. Симпозиум*. Загреб П. и др. (ред.). София: Българска академия на науките, 1989. С. 451–461.
- Konzal 2005 — Konzal V. Latinské gerundium a gerundivum v staroslověnském překladu (Responze latinské syntaxe v českoslovanských památkách II). *Slavia*. 2005, (74): 167–190. (Чешск.)
- Lausberg 1990 — Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. 3. Auflage. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 983 S.
- Liewehr 1928 — Liewehr F. *Kurbskij's „Novyj Margarit“*. Prag: Taussig und Taussig, 1928. 121 S.
- Moser 1998 — Moser M. *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Ser.: Schriften über Sprachen und Texte. Bd. 3. Frankfurt am Main u. a.: Lang, 1998. 398 S.
- Tomelleri 2004 — Tomelleri V. S. *Il Salterio commentato di Bruno di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione (con un'appendice di testi)*. Collana: Slavistische Beiträge. Vol. 430. München: Sagner, 2004. 343 p.
- Tomelleri 2010 — Tomelleri V. S. Dativus absolutus und prädikative Partizipien: Zur Verwendung kirchenslavischer Konstruktionen in der Tolkovaja Psaltyr' Brunona (1535). In: *Sprache und Leben der frühmittelalterlichen Slaven. Festschrift für Radoslav Katičić zum 80. Geburtstag*. Stadnik-Holzer E., Holzer G. (Hrsgg.). Ser.: Schriften über Sprachen und Texte. Bd. 10. Frankfurt am Main u. a.: Lang, 2010. S. 145–160.
- Tomelleri 2013 — Tomelleri V. S. Il paradosso dei *Paradoxa Stoicorum* di Cicerone nella presunta traduzione del principe Kurbskij. In: *Contributi italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti (Minsk, 20–27 agosto 2013)*. Garzaniti M. Et al. (a cura di). Collana: Biblioteca di Studi slavistici. Vol. 19. Firenze: Firenze University Press, 2013. P. 157–195.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2020 г.

Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Elias Moncef Bounatirou

Institute of Slavic Languages and Literatures, University of Bern,
49, Länggassstrasse, Bern, 3012, Switzerland
elias.bounatirou@issl.unibe.ch

A new approach to the enigmatic language of Kurbskij and its seeming “anomalies”

For citation: Bounatirou E. M. A new approach to the enigmatic language of Kurbskij and its seeming “anomalies”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (1): 37–55. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.103> (In Russian)

In 2018, the author published a two-volume monograph in German entitled “Eine Syntax des ‘Novyj Margarit’ des A. M. Kurbskij. Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus” (“A Syntax of A. M. Kurbskij's ‘Novyj Margarit’. A Philological and Dependency-grammatical Study of a Corpus of Church Slavonic Translations”). This article presents some results of the study in Russian and extends and complements the analysis begun in the monograph. The article focuses on the remarkable use of verbal formations with the suffixes *-m- and *-n- having the meaning of passive necessity such

as in до просвѣщаемы(х)/*ad illuminandos* ‘to those who have to be enlightened’. It is shown that the phenomenon in question, which can be observed in the Church Slavonic texts by Prince Andrei Kurbskij (1528–1583), should not be considered to be linguistically erroneous, as in the past. The fact that the use of the two formations mentioned is repeated in the same text and that examples of this phenomenon occur in different works by different authors suggests that it reflects a usage with a certain tradition. Consequently, the systematic use of the deverbial suffixations has to be regarded as correct. In addition, a more syntematic analysis makes it possible to show that a considerable number of other linguistic “anomalies” in Kurbskij’s works do not actually represent “anomalies”, or at least they are not linguistic errors of Kurbskij’s.

Keywords: Andrei Kurbskij, deverbial suffixations, Church Slavonic, alleged errors, language norms.

References

- Буланин 1995 — Bulanin D. M. Old Rus'. In: *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevniaia Rus'. XVIII vek*. Levin Iu. V. (ed.). Vol. 1. Ser.: Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe A: Slavistische Forschungen. Vol. 13 (73). Köln; Weimar; Wien: Böhlau; St. Petersburg: Bulanin Publ., 1995. S. 17–73. (In Russian)
- Буланин 2020 — Bulanin D. M. A. M. Kurbskii's "Novyi Margarit" in the history of Russian translated literature. [Review of Bounatirou 2018a]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020, 79 (1): 175–182. (In Russian)
- Живов 1988 — Zhivov V. M. The role of Russian Church Slavonic in the history of the Slavic literary languages. In: *Aktual'nye problemy slavianskogo iazykoznaniiia*. Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A. (eds). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1988. P. 49–98. (In Russian)
- Живов 2017 — Zhivov V. M. *The history of the language of Russian literature*. Vol. 1–2. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke Publ., 2017. 1285 p. (In Russian)
- Зяблицына 2018 — Ziablitsyna N. A. Translation errors in the treatises “Uchitelia Samuila oblichenie” and “Dokazatel'stvo prishestviia Khrista”. In: *Latinitas in the Slavonic World. Nine Case Studies*. Tomelleri V. S., Verner I. V. (eds). Ser.: Specimina philologiae Slavicae. Vol. 192. Berlin: Lang, 2018. P. 83–111. (In Russian)
- Кайперт 2017 — Keipert H. Conceptions of Church Slavonic. Transl. from German by M. A. Bobrik. *Slovene*. 2017, (1): 8–75. (In Russian)
- Крысько 2004 — Krysko V. B. Commentary to the “Lectures”. In: Sobolevskii A. I. *Trudy po istorii russkogo iazyka*. V. B. Krysko (foreword and commentary). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. P. 17–65. (In Russian)
- Перетц 1900 — Peretts V. N. The Imperial Society of Lovers of Ancient Literature. Studies and editions from 1898 and 1899. *Zhurnal miniterstva narodnogo prosveshcheniia*. 1900, 328 (4): 39–75. (In Russian)
- Соболевский 1911 — Sobolevskii A. I. Aeneas Silvius and Kurbskij. In: *Serta Borysthenica. Sbornik v chest' zaslužennogo professora Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira Iuliana Andreevicha Kulakovskogo*. Kiev: Tip. Meinandra Publ., 1911. P. 1–17. (In Russian)
- Томеллери 2006 — Tomelleri V. S. From the history of Novgorod translated Literature: a curious axample of contamination. In: *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag*. Bunčić D., Trunte N. (Hrsgg.). Ser.: Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 28. München, 2006. S. 243–249. (In Russian)
- Томеллери 2013 — Tomelleri V. S. On certain syntactic features of the “Tolkovaia Psaltir' Brunona” (1535). Dativus absolutus, infinitive and participle constructions, gerund, gerundive. In: *Lingvističeskoe istočnikovedenie 2012–2013*. Moldovan A. M., Mishina E. A. (eds). Moscow: Drevlekhranilišche Publ., 2013. P. 196–225. (In Russian)
- Янин и др. 2004 — Ianin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorod birchbark texts. (From the 1997–2000 excavations)*. Vol. 11. Moscow: Russkie slovari Publ., 2004. 288 p. (In Russian)
- Auerbach 1976–2005 — *Andrej Michajlovič Kurbskij, Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift*. Auerbach I. (Hrsg.). Bd. 1–4. Ser.: Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen. Editionen (4), Bd. 9. Gießen: Schmitz, 1976–2005.

- Besters-Dilger 1992 — Besters-Dilger J. *Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert*. Ser.: Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 31. Freiburg im Breisgau: Weiher, 1992. 196 S.
- Besters-Dilger 1995 — Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583). Besters-Dilger J. (Hrsg.). Ser.: Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. 35, 2. Freiburg im Breisgau: Weiher, 1995. 928 S.
- Bounatirou 2018a — Bounatirou E. *Eine Syntax des „Novyj Margarit“ des A. M. Kurbskij. Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus*. Bd. 1: Philologische, sprachkulturelle und lautlich-graphematische Grundlagen, Bd. 2: Syntax. Ser.: Slavistische Beiträge 509. Wiesbaden: Harrassowitz, 2018. 907 S.
- Bounatirou 2018b — Bounatirou E. Zum Konzept 'Fehler' am Beispiel der Analyse des „Novyj Margarit“ des A. M. Kurbskij. Die Frage der Bewertung sprachlicher Richtigkeit in historischen slavischen Texten. In: *Latinitas in the Slavonic World. Nine Case Studies*. Tomelleri V.S., Verner I.V. (eds). Ser.: Specimina philologiae Slavicae. Vol. 192. Berlin: Lang, 2018. P. 237–280.
- Bounatirou 2019 — Bounatirou E.M. Writing a syntax of A. M. Kurbskij's "Novyj Margarit". The "anomalous" adjectival locative of the type *v domu božiju* revisited. *Die Welt der Slaven*. 2019, 64 (2): 262–279.
- Fetková 1999 — Fetková P. 40 homilií na evangelia Řehoře Velikého v charvátském církevněslovanském překladu ve srovnání s překladem českocírkevněslovanským. *Slovo*. 1999, (47–49): 133–168.
- Keipert 1968 — Keipert H. *Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des „Vremennik Ivana Timofeeva“*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 1968. 288 S.
- Keipert 1989 — Keipert H. Die Qual der Wahl. Die griechischen Verbaladjektive auf τέος und ihre Übersetzungäquivalente im älteren Kirchenslavisch. In: *Vtori mezhdunaroden kongres po búlgaristika, Sofija, 23 maj — 3 iuni 1986 g. Dokladi 21. Kirilometodievistika. Simpozium*. Zarev P. et al. (eds). Sofia: Búlgarska akademii na naukite, 1989. P. 451–461.
- Konzal 2005 — Konzal V. Latinské gerundium a gerundivum v staroslověnském překladu (Responze latinské syntaxe v českocírkevněslovanských památkách II.). *Slavia*. 2005, (74): 167–190.
- Lausberg 1990 — Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. 3. Auflage. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 983 S.
- Liewehr 1928 — Liewehr F. *Kurbskijs „Novyj Margarit“*. Prag: Taussig und Taussig, 1928. 121 p.
- Moser 1998 — Moser M. *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Ser.: Schriften über Sprachen und Texte. Bd. 3. Frankfurt am Main u. a.: Lang, 1998. 398 S.
- Tomelleri 2004 — Tomelleri V.S. *Il Salterio commentato di Bruno di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione (con un'appendice di testi)*. Collana: Slavistische Beiträge. Vol. 430. München: Sagner, 2004. 343 p.
- Tomelleri 2010 — Tomelleri V.S. Dativus absolutus und prädikative Partizipien: Zur Verwendung kirchenslavischer Konstruktionen in der Tolkovaja Psaltyr' Brunona (1535). In: *Sprache und Leben der frühmittelalterlichen Slaven. Festschrift für Radoslav Katičić zum 80. Geburtstag*. Stadnik-Holzer E., Holzer G. (Hrsg.). Ser.: Schriften über Sprachen und Texte. Bd. 10. Frankfurt am Main u. a.: Lang, 2010. S. 145–160.
- Tomelleri 2013 — Tomelleri V.S. Il paradosso dei *Paradoxa Stoicorum* di Cicerone nella presunta traduzione del principe Kurbskij. In: *Contributi italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti (Minsk, 20–27 agosto 2013)*. Garzaniti M. et al. (a cura di). Collana: Biblioteca di Studi slavistici. Vol. 19. Firenze: Firenze University Press, 2013. P. 157–195.

Received: September 30, 2020

Accepted: December 3, 2020